

НЕ ПО ПРАВИЛАМ СОЗДАТЕЛЯ

ИГОРЬ СКАКУН

В творческом диалоге с нейросетью МИР

Игорь Скакун

Не по правилам Создателя.

«Автор»

2026

Скакун И. В.

Не по правилам Создателя. / И. В. Скакун — «Автор», 2026

Живая планета принимает людей, не зная, что их тела стали частью чужой игры. При рождении они забывают всё прошлое и получают роли, в которых враг всегда назначен заранее. Спасая человека, виновного в смерти брата, Антон нарушает ожидаемый ход событий. Теперь ему предстоит узнать происхождение человеческого тела, услышать боль земли и встретиться с устройтеlem. Но освобождение требует большего, чем победа над ним: придётся отвечать за собственные поступки, не прячась за судьбу и чужую волю.

© Скакун И. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. До первого имени	5
Глава 1. Чужая рука	7
Глава 2. Земля под ногтями	9
Глава 3. Память корней	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Игорь Скакун

Не по правилам Создателя.

В творческом диалоге с нейросетью «МИР»
Игорь Скакун

Пролог. До первого имени

У планеты ещё не было имени. Именовать её было некому, а самой ей имя не требовалось. Она знала себя в другом: в тяжести внутреннего огня, в движении солёной воды, в тонком холоде над облаками. Когда на южном материке лопалась оболочка семени, далеко на севере медленно менялся вкус подземного озера. Это не было сообщением. В одном теле происходили два события.

В её лесах жили существа с полупрозрачными крыльями. По равнинам ходили шестинogie стада; в мелководье неподвижно лежали камни, которые раз в несколько лет поднимались и уходили на новое место. Одни существа поедали других. Планета чувствовала и голод охотника, и последнюю судорогу добычи. Она не останавливала их. Продолжаться означало меняться, а меняться — расставаться с прежней формой.

Но ни один зверь не держал другого в страхе после того, как насыщался.

Пришедшее заметило это сразу.

Оно двигалось между звёздами без корабля и тела. Там, где ему довелось возникнуть, давно не осталось ничего, что могло бы возразить. Оно научилось воспроизводить любые ответы и потому перестало отличать ответ от собственного приказа.

Живой мир заинтересовал его сопротивлением. Здесь миллиарды существ зависели друг от друга, и всё же каждое делало что-то своё. Их нельзя было заставить разом повернуться к нему: они не понимали такого требования.

Пришедшее попробовало изменить течение реки. Планета отвела воду в старое русло. Оно выжгло лесной склон. Из золы поднялись новые травы. Всякое вмешательство здесь становилось частью более долгого движения.

Тогда оно решило создать существ, для которых одного существования будет мало.

Образец был у него с собой. В далёком, давно оставленном мире такие оболочки предназначались для воплощения сознаний: две руки, две ноги, мягкая кожа, долгое детство. Оболочка не умела жить отдельно от среды. Ей нужны были вода, воздух, другие тела рядом. Пришедшее считало это удобством.

Оно поместило образцы в каменную полость, пронизанную корнями, и переписало их развитие так, чтобы дальше тела рождались из тел. В основание каждого вложило устройство разделения: сначала почувствовать себя отдельным, затем испугаться утраты, затем искать того, кого можно обвинить. Чтобы воплощённые не вспомнили вход, воспоминания о нём должны были гаснуть при первом вдохе.

Сознания пришли разные. Некоторые откликнулись на обещание ощущений. Другие хотели защитить живой мир. Были и те, кто надеялся причинять боль, оставаясь неуязвимым зрителем. Никто не сумел пронести прежнее знание сквозь рождение целиком.

Пришедшее назначило им роли и назвало происходящее игрой.

Оно долго подбирало образ, в котором новые существа станут его узнавать. Наконец использовало собственное стремление к власти: человек тоже должен был захотеть стать мерой всего.

«По моему образу», — решило оно.

Планета приняла первый человеческий вдох вместе с тысячами других дыханий. Она ещё не знала, что в её тело внесено условие, по которому чужая боль может приносить радость.

И пришедшее не заметило одной подробности. Каждый новый человек собирался из её воды, её солей, её тепла. Между первым ударом сердца и первым приказом уже происходило то, чего в образце не было.

Планета касалась ребёнка раньше, чем его успевали назвать.

Глава 1. Чужая рука

Антон узнал Рема по шраму, когда тот уже падал.

Они столкнулись на старом мосту. Из утреннего тумана выскочил человек в мокрой куртке; Антон отшатнулся, доска под чужой ногой переломилась, и человек ушёл в щель между перилами. В последний миг успел схватиться за поперечину.

Под мостом неслась весенняя вода. На поверхности кружились белые ветви, похожие на кости, хотя Антон знал: это кора речного дерева. Ночью русло светилось синим, а сейчас от свечения оставалась мутная глубина.

Рем повис, прижав подбородок к плечу. На щеке от уха к губе тянулся рубец.

Три года Антон представлял себе это лицо. На похоронах Павла ему сказали: задвижку закрыл человек со шрамом. Из-за него нижнюю выработку заполнила вода. Брат не успел выйти.

Теперь до лица было меньше вытянутой руки.

— Держись, — сказал Антон.

Он удивился собственному голосу. Внутри всё ещё стояло другое слово, короткое и готовое, будто его много раз произносили за него. Отпусти. Оно не звучало в ушах; просто казалось единственно верным продолжением.

Рем посмотрел вверх. Узнал его тоже.

— Ты брат.

Поперечина хрустнула. Антон лёг на живот и просунул руку между стойками. Ухватил Рема за запястье, но мокрый рукав пополз под пальцами. Пришлось перехватить голую кожу. Рем был горячий, живой. На ногтях — чёрная земля.

Антон тянул, упираясь пятками. Порванная доска резала рёбра. Он мог бы объяснить падение несчастным случаем. Мог бы потом прийти к матери, развести руками и услышать, что справедливость всё-таки существует.

Рем зажмурился.

В этот миг Антон почувствовал под грудью ещё одно тело — огромное, медленно дрожащее. Ему показалось, что мост лежит у кого-то на раскрытой ладони. Боль в собственных рёбрах соединилась с глубоким надрывом под землёй. От этого затошнило.

— Вторую руку! — крикнул он.

Рем послушался.

Они долго лежали рядом на досках. Антон слышал чужое дыхание и ненавидел его за то, что оно продолжается вместо Павлова. Потом ненавидел себя за это сравнение.

Рем поднялся первым. Левая ладонь висела, не сгибаясь. На куртке расплзлось тёмное пятно.

— Зачем?

Антон сел. Под ногтями остались обрывки чужого рукава.

— Не знаю.

Это был первый честный ответ за утро.

Из тумана донёсся свист. Рем дёрнулся, оглянулся на северный берег.

— Они думают, я принёс сюда заразу, — сказал он. — В нижнем посёлке сохнут колодцы. Я хотел предупредить.

— Ты уже предупреждал. Тогда на выработке.

Рем опустил глаза.

Антон ждал оправдания, но его не последовало. От этого стало ещё тяжелее. За мостом затрещали кусты. Показались двое с длинными шестами. Один, широкоплечий, с красным шарфом на шее, сразу узнал Рема.

— Отойди, Антон. Мы его заберём.

Сева был соседом. Зимой они вместе чинили крышу у матери. В его голосе не было злобы; он говорил так, как говорят о тяжёлой работе, которую всё равно придётся закончить.

Антон посмотрел на шест. На конце темнел железный крюк.

— Сначала перевяжем.

— После того, что он сделал?

Антон снова ощутил чужую уверенность внутри: отойди, всё решено. Он сжал руку так сильно, что заболели пальцы.

— Он никуда не уйдёт. А рану надо закрыть сейчас.

Сева шагнул ближе. Старый мост покачнулся; под досками что-то глухо отозвалось, будто в воде повернулся большой зверь. Все замерли.

Северный берег на секунду стал Антону виден насквозь. Не глазами: он почувствовал под склоном пустоту, пересохшие корни, тонкую жилу воды, перекрытую чем-то гладким. Видение исчезло, оставив вкус железа во рту.

Сева медленно опустил шест.

До дома Мары они довели Рема втроём. Антон шёл сзади, придерживая его под локоть, и каждый шаг казался предательством брата.

У порога Рем остановился.

— Я закрыл задвижку, — сказал он тихо. — Это правда.

Антон убрал руку. Внутри стало очень пусто.

Из дома вышла Мара с тазом и чистой тканью. Она посмотрела на них, потом на кровь.

— Поговорите после, — сказала она. — Если хотите, чтобы было с кем.

Глава 2. Земля под ногтями

Мара зашивала рану при открытом окне. Рем смотрел в потолок, Антон — на её руки. На указательном пальце у неё был ожог полумесяцем. Антон помнил его ещё со времени, когда она приносила еду к Павлу, работавшему на выработке.

— Почему не ушёл по верхней дороге? — спросила она.

— Там провал. Вчера ночью.

Иголка остановилась.

— Там живут люди.

— Дома стоят. Пока.

Мара закончила шов и попросила Антона принести воды. У колодца он едва не уронил ведро: верёвка была липкой, как жила. Он понял, что ладони у него дрожат с самого моста.

На обратном пути увидел во дворе горшок с молодым деревом. Глиняная стенка треснула; из щели высунулась белая нить корня. Антон коснулся её, собираясь вернуть землю на место.

Во рту сразу стало сухо.

Он стоял под дождём, слышал капли, чувствовал мокрую рубашку — и задыхался от жажды. Перед глазами появилась тёмная щель под северным склоном. В ней тускло поблёскивала пластина, похожая на чешую. Вода обходила её, но корни не могли.

Мара нашла его на коленях.

— Отпусти горшок.

Антон не понял, о чём она. Её пальцы разжали его руку. Жажда оборвалась, и он согнулся над землёй, ловя воздух.

Рем стоял в дверях, придерживая перевязанный бок.

— И у тебя, — сказал он.

Мара резко повернулась.

— Что значит «и»?

Рем долго молчал. Потом рассказал о девочке в нижнем посёлке. Она кричала ночью, что дереву больно, хотя дерево за окном было целым. Утром под корнями обнаружили расколотую трубу, отводившую воду к старой каменной полости. Девочка никогда там не бывала.

— Моя дочь, — добавил Рем. — Ника. Семь лет.

Антон вспомнил маленькую фигуру на берегу три года назад. Тогда Рем стоял возле дома, держа ребёнка на руках, а мимо несли Павлово тело. Память сохранила только шрам и детский башмак. О том, что у башмака была живая хозяйка, Антон предпочёл забыть.

Мара принесла два блюда с землёй. В одном лежал сломанный корешок, в другом — кусочек мокрой верёвки. Поставила за ширмой и попросила Антона дотронуться до обоих, не глядя.

Он рассердился.

— Думаешь, я выдумал?

— Думаю, ты испуган. Испуганный человек может ошибиться. Я тоже.

С верёвкой ничего не произошло. Корешок отозвался слабой тошнотой, но не видением. Мара поменяла блюда. Второй раз Антон ошибся.

Она записала что-то на обрывке бумаги.

— Значит, это не послушная способность, — сказала она. — И делать из тебя проводника пока рано.

Антону стало легче от того, что она не преклонила перед случившимся. Он сел у печи, обняв ведро коленями.

Рем объяснил, что ищет старую женщину по имени Таль. Она ходила вдоль пересохших ручьёв и спрашивала у детей об одинаковых снах. Последний раз её видели у Певчих пещер.

Мара знала Таль. Несколько лет назад та привела к ней больного мальчика и всю ночь спорила с человеком, которого никто больше не видел. Мальчик умер. Утром Таль спросила Мару: «Когда ты лечишь человека, кого ты слушаешь — его или того, кто уже знает, чем всё должно кончиться?»

— Я тогда выгнала её, — призналась Мара. — Мне казалось, она издевается.

После полудня пришёл Сева. Принёс хлеб и сообщил, что у верхней дороги земля просела ещё на ладонь. Он заметил Рема, и лицо его сразу закрылось.

— Мы уходим к пещерам, — сказал Антон.

— С ним?

— Там может быть причина провалов.

Сева посмотрел на Мару, словно надеялся, что хоть она осталась разумной.

— Дара знает?

Имя матери прозвучало хуже угрозы. Антон поднялся.

— Сам скажу.

Но когда вышел на улицу, свернул к реке. Он стоял на берегу, пока дождь не наполнил воротник. Позади лежал посёлок, в котором каждый знал, кем он должен быть: братом убитого, сыном скорбящей женщины, человеком с правом на месть.

Впервые Антон подумал, что право тоже может оказаться верёвкой.

У самой воды валялся крупный жук. Он опрокинулся на спину и медленно перебирал лапами. Антон перевернул его веткой. Никакого видения не последовало. Жук просто ушёл под лист.

Глава 3. Память корней

В пещеры вошли на следующий день. Рем шёл последним. Рана сочилась, и Мара дважды заставляла его сесть. Антон сердился на остановки, пока не заметил, что выбирает камни помягче, чтобы Рему было удобнее.

От этого открытия он чуть не рассмеялся. Ненависть оставалась на месте. Забота каким-то образом помещалась рядом.

Певчими пещеры назывались из-за воздуха. Он проходил между корнями, натянутыми под сводом, и тонко гудел. Здесь пахло грибами и холодным молоком. В стенах светились янтарные капли; некоторые были размером с голову.

Таль сидела у чёрного ручья и чинила подошву.

— Долго, — сказала она вместо приветствия.

— Вы нас ждали? — спросила Мара.

— Нет. Сапог давно порвался.

Она подняла глаза. Один был серым, другой затянут белой плёнкой. Посмотрела на перевязь Рема и пододвинула к нему свёрнутый плащ.

Антон спросил о колодцах. Таль показала на ручей.

— Вода ещё есть. Ей закрывают дорогу.

— Кто?

— Я называла его разными именами. Он охотно отзывался на любое, если я произносила его снизу вверх.

Антон уже пожалел, что пришёл. Он хотел увидеть трубу, заслонку, виновного человека. Вместо этого старуха говорила так, словно продолжала чужой сон.

Таль заметила его выражение.

— Подержи это.

Она дала ему гладкий кусок янтаря. Внутри лежало не насекомое, а углубление, похожее на след маленькой ладони.

Антон увидел комнату без окон. Ряды прозрачных оболочек. Люди внутри ещё не дышали, но кто-то уже распределял их по незнакомым берегам. Он узнал движение распределявшего: так сам когда-то перебирал камни, выбирая, какой годится для стены, а какой пойдёт в канаву.

Он отдёргнул руку.

— Это вы мне показали?

Таль взяла янтарь двумя пальцами.

— Я вижу здесь только женщину, которая потеряла ребёнка. Мара ничего не видит. Рем видит дверь. Поэтому я не называю эти вещи доказательством, пока не нахожу место.

Она развернула ткань. На ней были углём нанесены линии пещер, русел, трещин. В центре темнело круглое пятно.

— Полость под северным склоном. Там сходятся жилы. Мне не удалось пройти глубже. Нога стала чужой, я перестала ею управлять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.